

Глава 3. Дорога, по которой нужно идти

Примечание: Если вы лучше воспринимаете информацию на глаз, то здесь есть полезная карта для новой главы. Столица расположена в розовой области под названием Пей-Чи-Ли (Пекин). Если у вас возникают трудности с чтением других карт, то с такой красочной и упрощенной версией как эта, точно все получится.

Было очевидно, что сердце Ян Линь трепещет от страха. Он высвободил лодыжку Е Сяотянь и медленно произнес, «Когда я еще был у власти, на пике своей славы, то я был как Гуаньинь, Бодхисаттва милосердия, на которого молились. Когда меня о чем-то умоляли, то мне достаточно было лишь отдать приказ, и просящий возвращался домой довольным. Что же касается меня, то Небеса так и не услышали моей мольбы и не подарили мне сына».

«Может быть это кара за то, что я совершил слишком много проступков. Поэтому, на заре своих лет я строил мосты и чинил дороги, способствовал развитию образования и помогал бедным. Я жертвовал огромные деньги храмам. Все это я делал, чтобы улучшить свою карму, но так и не получил сына, и мне не осталось ничего другого, кроме как взять приемного ребенка».

Ян Линь вздохнул с грустью, а затем продолжил, «В конце концов, он не моя плоть и кровь. Из родных детей у меня только дочь. Ее мать – наложница, никогда не видевшая доброты от моей главной жены. Мне страшно, что после моей смерти, жена превратит жизнь несчастной в сущий ад».

Е Сяотянь с подозрением спросил, «Господин Ли, что вы хотите этим сказать?»

Ян Линь всхлипнув воскликнул, «Моя дочь очаровательна, красива, остроумна и имеет хорошее образование. Я проклинаю те дни, когда ничего кроме силы и власти не интересовало меня. Я не уделял ей достаточно внимания, пока она росла. А сейчас уже слишком поздно. Я нарушил закон и порядок страны и теперь сам признаю, что даже смерть не сотрет мои грехи. Все что меня волнует сейчас – это дочь».

Он медленно сфокусировал взгляд на Е Сяотянь, продолжая говорить, «Я хочу написать письмо. Пожалуйста доставь его в мой дом. Это нужно, чтобы мои родственники разделили наследство в соответствии с моими пожеланиями. Я хочу оставить часть своего имущества дочери в качестве приданого. Хочу быть спокойным за ее будущее, знать, что ей никогда не придется голодать и ходить оборванкой. Ты согласен исполнить эту просьбу?»

Е Сяотянь пораженно воскликнул, «И это то самое важное дело, которое имел в виду господин?»

Ян Линь торжественно кивнул, затем ответил, «Ты прав! Я держал власть в своих руках и всю жизнь стремился к богатству. Наконец, перед лицом смерти, в самом конце, это единственное, что имеет для меня значение!»

Е Сяотянь вздохнул, «Это возможно! Я не могу перечить 50 серебряным монетам, а будучи таким милым и доброжелательным, я не могу отказать и вам. Несомненно, быть богатым очень хорошо. Хаха! Но... раз уж дело касается разделения семейного имущества, то боюсь, что словам обычного молодого человека вроде меня никто не поверит. Мне нужно, Ваша светлость, чтобы вы написали другое письмо, подтверждающее, что я действую от вашего имени. Подождите меня, я сейчас же принесу кисть, бумагу и чернила».

Ян Линь произнес голосом, дрожавшим от благодарности, «Хорошо! Мой дом в префектуре

Цзинчжоу [1] провинции Хугуан. [2] Если ты действительно поможешь доставить письмо с моей волей, то награда в 50 монет будет совершенно заслуженной».

Неожиданно, глаза Е Сяотянь округлились и он с удивлением спросил, «Префектура Цзинчжоу провинции Хугуан? Это место находится за пределами столицы?»

Ян Линь бросил на него недоуменный взгляд прежде, чем сказать, «Что ты имеешь в виду? Префектура Цзинчжоу находится в префектуре Цзинчжоу. Конечно это за пределами столицы».

«Я знаю, что это не Пекин, но где именно ваш дом находится?» Самым отдаленным местом, которое он мог припомнить, возрождая в памяти пустынный и пышный пейзаж в «Классике гор и морей» [3], был район Тунчжоу [4], граничивший с Пекином на юго-востоке. Е Сяотянь лихорадочно затряс головой и прокричал, «Нет! Нет! Ни за что! Я не могу это сделать! Я даже не смогу найти север, если покину столицу».

Ян Линь перебил его, «Пятьсот монет! Я дам тебе 500 монет в награду! Как тебе это? С такими деньгами тебе больше не надо будет работать!»

«Пятьсот монет...» Е Сяотянь трепетал от волнения и казалось уже готов был согласиться отправиться в путь. Но затем решительно покачал головой. Впрочем, эта внутренняя битва быстро завершилась. Он согласился поехать в Хугуан и доставить письмо. «Хугуан, .. хм? Добраться до туда непросто, а сообщения оттуда приходят с опозданием на десять лет. Даже по названию кажется, что это невообразимо далеко отсюда».

Как Е Сяотянь и сказал, он никогда не покидал пределов столицы. Мысль о таком опасном путешествии вселяла в него нерешительность даже не смотря на перспективу большой выгоды. Он колебался с минуту, а затем произнес, «Это место очень далеко. Будет лучше подождать, пока ваша семья не приедет в столицу, и тогда передать им письмо...»

Ян Линь горько усмехнулся, прежде чем ответить, «Старик уже три года в тюрьме. Даже зная, что я никогда не выйду на волю, никто из них не приехал ко мне. Мои отношения с первой женой всегда были прохладными. Если ты хочешь ждать, пока она надумает организовать перевозку моего гроба в такую даль, то неизвестно в каком году и в каком месяце твое ожидание закончится».

Услышав слово «даль», Е Сяотянь передумал соглашаться. Он без остановки качал головой. «Я не смогу сделать это. Господин Ли, пожалуйста, найдите кого-то более подходящего».

Ян Линь заспорил, «И кого мне просить? Мне осталось жить меньше дня, кого же более подходящего я найду?»

Выражение лица Е Сяотянь застыло.

Ян Линь со вздохом продолжил, «Осужденные чиновники здесь часто используют серебро, чтобы вынудить вас, тюремщиков, купить им еду. Мне кажется, что другие надзиратели не испытывали никаких угрызений совести, подменяя еду, которую у них просили, или даже просто забирая деньги и не покупая ничего. Только ты тщательно выполнял все запросы. Хотя ты и жаден до наживы, ты никогда не нарушал своих обещаний. Поэтому, ты единственный, кому я могу верить».

Е Сяотянь покачал головой и сказал, «Вы такого хорошего мнения обо мне. Но это путешествие действительно слишком сложное. Я, Сяотянь, всего лишь крошечный голец в

пруд. Я никогда не видел бурного моря. Вашу просьбу я не могу выполнить. Я уйду!»

Е Сяотянь сложил руки и повернулся, чтобы выйти. Но Ян Линь громко прокричал, «Пятьсот монет, пятьсот монет! Этого достаточно для тебя, чтобы всю оставшуюся жизнь прожить в достатке и почете! Неужели ты хочешь оставаться ничего не значащим маленьким начальником тюрьмы до конца своих дней?»

Е Сяотянь даже не обернулся и пошел быстрее. Уже издали было слышно, как он пропел очень складную и благозвучную песню из Кункуской оперы: «Я всего лишь маленький воробей в городе императора и не желаю подняться к Девяти небесам, чтобы превратиться из Кун в Пен [5] Ведь Пен ничего не знает о лабиринте».

Голос Е Сяотянь затих в дали. Ян Линь продолжал стоять на том же месте, державшись за решетку и слушая пение Е Сяотянь. Спустя долгое время он медленно

поднял голову. Глядя в темноту, узник с глубоким вздохом пробормотал, «Что ж, может быть Пен действительно недостаточно хорош для лабиринта».

Дом Е Сяотянь находился на улице Вуцзе к западу от переулочка Кузи. Семья соседа слева, который унаследовал должность палача, все еще держала лавку бакалейных товаров. Семья соседа справа владела мясной лавкой, а сам он был потомственным коронером. У семьи Е, расположенной между ними, был самый низкий социальный статус.

Пройдя сквозь крошечный дом во внутренний двор, он увидел свою старую мать, Доу-ши, с бамбуковой корзиной, наполненной кормом для цыплят. Только несколько старых наседок с кудахтаньем кидались ловить разбрасываемый корм. В этот же момент можно было услышать, как большой петух, который грелся на солнце у подножия стены, бросился вперед высоко подняв голову и гордо выставив вперед грудь. Подобно дворцовым слугам, толпа цыплят была вынуждена отойти в сторону.

Е Сяотянь крикнул матери «Мама, я вернулся».

Е Доу-ши [6] ничего не ответила, а лицо ее было мрачным. Немного удивленный Е Сяотянь собирался выяснить у матери, что произошло, когда из западной комнаты внезапно донесся поток ругани. Громкий голос несомненно принадлежал отцу, «Ты! Ты, глупый мальчишка! Ты чертовски нерешительный и робкий пук! У тебя гнилые мозги!»

Е Сяотянь изумленно спросил, «Мама, кого отец так проклиняет? Разве старший братец вернулся?»

Е Доу-ши хотела сказать что-то, но замешкалась. В итоге она просто тяжело вздохнула.

Е Сяотянь проговорил, «Пойду и посмотрю, что там».

Он спешно направился к западной комнате, у двери которой приподнял занавеску, чтобы заглянуть внутрь. Старик Е в бешенстве колотил старшего брата Е Сяотянь метлой, а тот свернулся калачиком на канге [7] и пытался защитить свою голову. Он не мог скрыться от ударов, даже не мог кричать и просто ждал, когда кончится отцовская взбучка.

Е Сяотянь быстро зашел в комнату и попытался остановить отца, произнеся, «Что происходит? Отец, ты уже слишком стар, чтобы злиться. Мы же семья и вместе можем обсудить любую

проблему. Ведь и старший брат – член семьи. Для старшего поколения достаточно сказать молодежи несколько мудрых фраз, чтобы чему-то научить, и вовсе необязательно так выбиваться из сил».

Говоря с отцом, Е Сяотянь в то же время посылал многозначительные взгляды старшему брату. Е Сяотянь и Е Сяоянь были близнецами. Но ровно на столько, насколько братья были похожи внешне, они отличались по характеру. Е Сяотянь был невероятно умен и хитер, а Е Сяоянь отличался простотой и честностью. По одному только взгляду младшего брата, он догадался, что пора уносить ноги.

Сяотянь потянул в сторону отца, который уже задыхался от гнева, и заставил присесть на кровать, и сам устроился рядом. Затем, обняв отца за плечи, ласково спросил, «Папа, старший брат такой честный человек. Что же он сделал, чтобы рассердить тебя?»

Старик Е снова закипел, услышав вопрос, и яростно крикнул: «Этот ублюдок бесит меня до смерти! Ты спрашиваешь, что он сделал? Спроси лучше, способен ли он вообще сделать хоть что-то?»

Е Сяотянь покорно слушал, начиная смутно понимать, в чем дело, и осторожно спросил отца, «Что? Дело в рисовой лавке старшего брата? Дела идут плохо?»

Отец похлопал себя по бедру прежде чем ответить, «Плохо? Если бы было только это, то я бы возносил благодарные молитвы предкам! Глупый ублюдок! Его рисовый

бизнес развалился из-за долгов. Магазин даже не успел открыться, кредиторы его забрали вместо оплаты».

«Твоя невестка вернулась в родительский дом в гневе. Теперь скажи мне, что твой братец не заслужил ругани. Хорошее дело так не ведут. Как будто на зло мне, он все делал по-своему и не слушал советов. Отец ему не указ!»

Е Сяотянь постарался утешить его, «Папа, что сделано, то сделано. Злоба пользы не принесет. В любом случае это только еще больше расстроит старшего брата. Тем более, что убытки и прибыль – две стороны бизнеса. Если бы все было так просто, то каждый бы уже вел свое дело. Ты уже не молод, ни к чему злиться».

Старик Е помолчал, затем тяжело вздохнул и произнес, «Не важно злиться отец или нет. Важно, что твоя невестка рассердилась на своего мужа. Не говоря уже о том, что ее семья выше по статусу, чем мы. Это нам была выгодна их свадьба, а твой брат не оправдал ожиданий...»

Слезы заблестели в глазах отца, когда он продолжил со скорбью признаваться младшему сыну, «Это отец виноват в таком бессилии! Наследство наших предков – та самая чаша с рисом. Но у меня два сына – так кому я должен ее передать? Ваш отец размышлял над этим и многое принял во внимание прежде чем решить. Ты был умнее и справился бы с работой в тюрьме, поэтому я и передал должность тебе».

«Но из-за этого я чувствовал, что поступаю несправедливо с твоим старшим братом. Поэтому, все свои сбережения я передал ему. Передал, чтобы он открыл рисовую мастерскую. Затем, я помог ему жениться. Отец... отец использовал все средства. Чтобы ему помочь!»

Голос отца дрожал. В конце концов он зарыдал, «Твой брат оказался непригоден для такой ноши. Он просто честен, но какая от этого к черту польза!? Ему только хуже от того, что

появилась семья, которую надо кормить. В наши дни, нужны когти, чтобы зарабатывать на хлеб, иначе какое будущее тебя ждет? Но лучше свали вину на отца, что все так вышло...»

Старик закрыл ладонями лицо, искаженное горем, а его слезы потекли по рукам. Е Сяоянь не далеко убежал, он просто сидел на корточках за дверной шторой и слышал все, что сказал отец. Его сердце разрывалось от горя. Сяоянь не смог сдержать громкий вопль, «Отец! Ты стар, не вини себя! Правда в том, что я во всем виноват. Я бесполезный сын...»

От слез, которые проливал отец, у Е Сяотянь тоже защипало в носу, но он приказал себе сдержаться и расслабленно проворил, «Папа. Ну что ты делаешь? Нас услышат соседи и будут насмехаться над нашей семьей. Проблемы старшего брата легко уладить. Не лучше ли будет, если ты позволишь ему занять мою должность в тюрьме?»

Отец Е вздрогнул от услышанного и не сразу сумел ответить, затем лишь покачал головой, «Не получится! Сяоянь попадет в беду. Как же он может занять твое место?»

Е Сяоянь нерешительно забормотал из-за занавески, «Младший братец, это никак не получится. Даже если твой старший брат будет умирать от голода, он не станет драться с тобой за твою чашу с рисом. Твоя невестка просто не хочет со мной оставаться, пусть так и будет! Может я и бесполезный, но совесть у меня есть!»

Отец ударил по кангу кулаком и крикнул, «Заткнись! На что ты способен?! Если ты хоть что-то можешь сделать, то первым делом приведи назад мою невестку! Ты! Безмозглый идиот!»

Храбрость Е Сяоянь оказалась невелика и после новой вспышки отцовского гнева, он в ужасе выбежал из дома. Старик Е еще раз выругался на старшего сына, а затем только качал головой, немного успокоившись, «Невозможно. Ты занимайся своим делом. Небеса не переступят чужую дорогу, а для братца у твоего папы есть свои методы».

Е Сяотянь заботливо улыбнулся и сказал, «Папа, не нужно об этом думать. Давай сделаем так, как я говорю. По правде говоря, я вернулся домой сегодня только для того, чтобы обсудить свою работу в тюрьме. Даже если бы дело старшего брата процветало, то

я бы все равно попросил тебя найти мне замену, потому что я хочу отправиться в одно далекое место».

Старик пораженно произнес, «Далекое место? Ты хочешь идти?»

«Что-то вроде того...»

Е Сяотянь пересказал отцу всю историю, «Папа, я хочу пойти. Но только чтобы доставить письмо, а награда за это будет 500 монет! О такой огромной сумме я и мечтать не смел! С ней разве буду я зависеть от этой чаши с рисом? Нужно ли мне будет вообще работать?»

Когда старик Е выслушал сына, ему тоже передалось это воодушевление. Речь шла о 500 серебряных монетах! О такой огромной, просто невероятной сумме! «Сможет ли Е Сяотянь преодолеть высокие горы и дальние воды?»

В то время путешествия были крайне трудным делом, и только некоторые работники переходили с места на место. Более того, общественная охрана разных регионов страны сильно отличалась. Поэтому путешествия в отдаленные части страны были очень рискованным делом, и для того, чтобы достигнуть цели такого предприятия, требовалось очень много времени. Тому, кто готовился отправиться в подобную авантюру, следовало свыкнуться с мыслью, что он

возможно уже не увидит своих близких в этой жизни. На том пути жизнь и смерть были двумя сторонами одной медали.

Кроме беженцев, которым было не на что жить, только торговцы, получавшие выгоду от своего дела, официальные лица и студенты, учившиеся за границей, покидали родные города в то время. Но сумма в 500 монет была довольно соблазнительной, особенно сейчас, когда случилась такая беда и семье срочно нужны были деньги на выплату долгов. Еще несколько дней назад старик Е не размышлял бы долго над тем, что ответить младшему сыну, но теперь все было по-другому...

Он долго колебался, прежде чем заговорить, голос его был обеспокоен, «Сынок, ты никогда не ездил в далекие места. Такое длинное путешествие... Думаешь, у тебя получится?»

Сердце Е Сяотянь было в смятении. Он не только опасался далекого путешествия, но и очень не хотел выпускать из рук свою драгоценную чашу с рисом. Но когда он посмотрел на лицо отца, покрытое морщинами, то спросил себя может ли он позволить ему и дальше выбиваться из сил ради семьи? Может ли спокойно стоять в стороне, когда рушится брак его кровного брата?

Е Сяотянь расслабил лицо, когда продолжил говорить с отцом, «Папа! Не смотри так на своего сына! Это всего лишь, чтобы доставить письмо. Такая обычная вещь, с чем же тут не справиться? Я хочу пойти! Правда в том, что мне не по душе скучное место вроде Небесной тюрьмы. А это путешествие – возможность для меня».

Посмотрев на седые виски отца, Е Сяотянь осторожно схватился за его большие мозолистые руки и медленно продолжил, «Папа, я всегда чувствовал, что сколько бы денег не было, они всегда будут потрачены. Независимо от того, сколько власти у нас есть, придет день, когда она ускользнет из рук. Даже если бы у нас были огромные семейные владения, все равно и они бы не выстояли перед лицом стихийных бедствий и деяний злых людей».

«У человека должны быть определенные способности, чтобы идти по жизни. Пока у него есть навыки, даже с пустыми руками и без гроша в кармане, если все разрушено, он еще может оправиться. Позволь мне поехать и испытать себя, вырасти от этого опыта. Может быть, просто может быть у меня большое будущее.»

От слов сына на сердце у старика Е потеплело. Он посмотрел на его еще юное и незрелое лицо, украшенное небольшим пушком над губами. Неожиданно он понял, что сын уже вырос. К сожалению, другой сын, Сяоань был очень наивен и прост, иначе бы обязанность отнести письмо перешла на него как на старшего. Сейчас же можно было положиться в этом деле только на младшего сына.

Заметив, что отец смягчился, Е Сяотянь почувствовал сильное облегчение. Но когда он вспомнил адрес, который назвал Ян Просветленный, в сердце снова закрались сомнения, «Префектура Цзинчжоу... Кажется, что это так далеко. На другом конце света. Ах...»

[1] Префектура Цзинчжоу (荆州) – город неподалеку от Хунань, который раньше относился к провинции Хугуан, а теперь превратился в Цзинчжоу Мяо и автономный округ Дуню

[2] провинция Хугуан (湖南) включает в себя то, что когда то было Цзинчжоу (荆州) (отличаются китайские иероглифы, используемые для написания). После падения династии Мин, Цин был разделен на две административные провинции: Хунань и Хубэй.

Город Цзинчжоу (荆州) в этой истории находится в провинции Хунань, а теперь его статус

понижен до уровня города-префектуры, Цзинчжоу(漳州), расположенного в южной части провинции Хубэй, севернее города Цзинчжоу (漳州)

[3] Классика гор и морей – классическое произведение древнего Китая, которое описывает географию различных частей Китая, включая их культуру и мифы.

[4] Тунчжоу (通道) можно перевести как «место для прохождения через», поскольку вам нужно пройти через него, чтобы войти в столицу Пекин, независимо от того подходите ли со стороны моря или гор.

[5] Кун и пен – миф о гигантской рыбе по имени Кун(鯀), которая могла превращаться в огромную птицу по имени Пен(黿). В виде птицы она была способна взмывать в небо и лететь в южную тьму, к Небесному озеру. От одного удара ее крыльев на море начинался шторм, и переворачивались корабли.

[6] Ши (氏) – суффикс, который добавлялся к имени замужней женщины. Он всегда связан с девичьей фамилией женщины. Конкретный пример: вместо того, чтобы сказать миссис Смит как это принято на западе, китайцы бы сказали жена из семьи Смит от семьи Бэйкер. Таким образом, Е Доу-ши означает жена семьи Е от семьи Доу.

[7] Это тип кровати, который был очень распространен в северном Китае и Корее. Он представляет собой буквально печку вмонтированную в кровать, чтобы сохранять тепло в холодные зимние ночи. У простых людей не хватало ресурсов для обогрева всего дома, а этот способ помогал не умереть ночью от холода. Тем, кто никогда не спал на такой кровати, может показаться, что она очень удобна благодаря теплу, которое идет снизу. Но те, кому приходилось испытать на себе подобный опыт, говорят, что это самая ужасная кровать для сна, потому что жар от печи заставляет спину потеть, но в комнате все равно очень холодно, и передняя половина тела сильно мерзнет.

<http://tl.rulate.ru/book/4997/101889>